
Глава 4.

1898 год

Министром уже с год, с конца 1896 г., был граф М. Н. Муравьев, бывший посланник в Копенгагене. Сменил он князя Лобанова, скоропостижно скончавшегося перед поездкою царя и царицы во Францию, куда Лобанов должен был сопровождать царскую чету¹. Не назначая второпях, тотчас преемника скончавшемуся министру, царь предложил сопровождать его товарищу министра Н. П. Шишкину — человеку весьма посредственному и оказавшемуся в царскую поездку далеко не на должной высоте.

Князь Лобанов считался трудно заменимым. За него говорил его большой служебный опыт. Он был и дипломатом, и одно время губернатором, и товарищем министра внутренних дел, и опять дипломатом, в последнее время — послом в Вене. Импонировали его *широкий ум*, большая самостоятельность и независимость богатого человека и *большое барство*. *Перечисленного было более чем достаточно, чтобы создать ему солидный престиж*. Петербург был в восторге, когда узнал, что Лобанов круто повернул министра финансов Витте, приехавшего к нему предложить услуги для испрошения у царя соответствовавшего видам Лобанова содержания по случаю назначения министром иностранных дел. Лобанов спровадил Витте, *резко и сухо* заметив, что ни в каком содействии в этом отношении не нуждается, будет довольствоваться тем, что ему как министру полагается *по закону*. Он был не совсем прав, т. к. в определенной цифре оклад содержания был закреплен за должностью министра иностранных дел только впоследствии. Ранее же, не в пример прочим министрам, у которых были штатные оклады, содержание министру иностранных дел присваивалось персональное, *по усмотрению царя, в порядке доклада министра финансов*. Притом богатому Лобанову было легче, чем кому-либо, проделать жест столь эффектного бескорыстия. Аристократический Петербург был рад ущемлению «баринном», князем Лобановым «неизвестно откуда вылезшего проходимца» Витте, каким аристократические круги долгое время совершенно неосновательно третировали даровитого^а главу финансового ведомства, имевшего,

^а Далее в рукописи оставлено место для одного слова.

между тем, в своей родословной достаточно именитые корни². Говорили об этом случае, а также о том, что когда в прежнее царствование Лобанову предложили должность товарища министра внутренних дел, то он отвечал, что, считая себя к этой должности неподготовленным, желал бы сначала поучиться делу на посту губернатора. Было это как будто и хорошо. Но нехорошо то, что это Лобанов, заручившись поддержкою Германии и Франции, опрометчиво вырвал из рук Японии *все и без остатка* плоды ее побед над Китаем в войну 1894/95 г.³ Это он настоял на заключении мира без территориальных приобретений на материке для задыхавшейся в тесноте своих островов, переросшей свою территорию Японии. Не допустил и протектората ее над Кореею. Денежная компенсация в виде контрибуции и о. Формоза заведомо не могли удовлетворить Японию. И с этой именно минуты, столкнувшись с нами в преследовании своих целей, она начала оттачивать свой зазубренный на полях Китая меч для нападения на Россию. Ответственность за нашу политику в этом случае не может быть *всецело* переложена на царя со ссылкой на его враждебную предвзятость к Японии за удар, нанесенный ему японским полицейским в Отсу, во время поездки Николая II в бытность наследником на Восток⁴. Авторитетность и независимость Лобанова такое переложение ответственности исключают. Но как стара истина, что управлять — значит предвидеть. Для блестящего министра, каким почитался Лобанов, предвидеть последствия подобного нашего образа действий на Дальнем Востоке было обязательно.

Как бы то ни было, имя князя Лобанова всюду вообще, а в правительственных кругах в особенности, всем и каждому настолько импонировало, что явиться преемником ему было задачей весьма нелегкою даже для талантливого человека, тем более для лишенного всяких талантов графа М. Н. Муравьева. И назначен-то он был министром только потому, что был посланником в Копенгагене, куда заезжала навещать своих родителей императрица Мария Федоровна. Она и рекомендовала его царю совершенно неосмотрительно, так как за ним решительно не было ничего, кроме отличавшего большинство дипломатов светского лоска и лично его, Муравьева, забавной способности одним движением бровей схватывать на лету подброшенный к глазу монокль. Директора департаментов, Азиатского граф Д. А. Капнист и внутренних сношений барон Ф. Р. Остен-Сакен, хорошо знавшие Муравьева со стороны его исключительной бездарности при большой самоуверенности, решили с ним не служить и с его назначением ушли почти демонстративно. Третий директор, Департамента личного состава и хозяйственных дел, Никонов оставался лишь до весны 1897 г. Ушел и товарищ министра Шишкин, назначенный в Государственный совет. На место переведенного в Сенат директора Азиатского департамента графа Капниста был назначен никакими особыми достоинствами не обладавший генеральный консул в Будапеште приземистый, смуглый, *тупой* левантинец⁵ Базили. Трудно сказать, почему на нем именно остановились. Разве только по столь же у него явному отсутствию талантов, какое отличало нового главу ведомства. Впрочем, он был богатый человек. На места директоров департаментов внутренних сношений барона Остен-Сакена и личного состава и хозяйственных дел Никонова были посажены их вице-директоры: на место первого — Н. А. Малевский-Малевич, о котором я упоминал выше в связи с моим хождением в Министерство иностранных дел по выставочным делам Министерства финансов, и на

место второго — барон К. К. Буксгевден. Тут хоть сказалась преемственность службы. Товарищем министра был назначен с должности старшего советника министерства на правах товарища министра граф Ламздорф, а на его место старшим советником, в сущности, вторым товарищем министра — директор канцелярии министерства князь В. С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий. Последнего в канцелярии заменил ее вице-директор Ваксель. Так сконструировались верхи министерства, при оставлении на прежнем своем посту одного лишь директора Государственного и С.-Петербургского главного архива министерства барона Стурта.

Предложение перейти в Министерство иностранных дел я получил от Малевского-Малевича. Задумано было издавать «Сборник консульских донесений»⁶. И требовался редактор-стилист, которого под рукою в министерстве не было. Казенный стиль за мною признавался. К тому же донесения консулов посвящались преимущественно вопросам внешней торговли, с которыми, предполагалось, я был знаком по моей службе в Департаменте торговли и мануфактур. Назначение зависело от министра. Чтобы обеспечить его согласие, надо было заручиться поддержкою одного из товарищей. Малевский остановился на князе Оболенском, приходившемся двоюродным братом моему покойному отцу. И вот в чем в данном случае выразился пресловутый протекционизм *так называемого* старого режима. «Против назначения Л<опухина>, — сказал Малевскому Оболенский, — я возражать не буду. Но предупредите его, чтобы он не мечтал о дипломатической карьере. Для нее нужны личные средства, каковых у Л<опухина>, я знаю, нет. Ни о канцелярии, ни о посольствах и миссиях пусть не мечтает. Он может продвигаться по вашему департаменту и, по выдержании дипломатического экзамена, перейти, если пожелает, на консульскую службу, — но не более». Отсюда две морали: одна здоровая — не было в то время места для той бесшабашной протекции, о которой принято говорить, не было — хотя бы в некоторых, достаточно многих случаях. А другая мораль прямо больная — без денег в те времена по дипломатической службе ни-ни; это уже во всех случаях. Будь ты прирожденный Талейран, но если у тебя или у твоих родителей нет нескольких тысяч рублей в год тебе на твое содержание, то отходи в сторону. Отечество обойдется без Талейрана⁷. Помимо денежного ценза, круг аспирантов в дипломаты был ограничен сословными рамками. Сочетание же обоих условий — дворянское происхождение и деньги, при поголовном почти оскудении русского поместного дворянства, преимущественно сосредотачивалось в России в балтийских баронах. Отсюда и невероятное, сделавшееся притчею во языцех, засилье немцев в русском Министерстве иностранных дел. В силу каких условий и обстоятельств они не были талантливы, сказать не берусь. Но ни одного таланта балтийцы в ведомстве не выдвинули.

Я занялся моим маленьким делом издания «Сборника консульских донесений». В конце января 1898 г. выпустил первый его номер. Выпускался журнал аккуратно через каждые два месяца по шесть книжек в год. Работал я самостоятельно. Имел дело только с директором Малевским-Малевичем. Была, впрочем, образована маленькая, преимущественно цензурного значения редакционная комиссия, собиравшаяся перед каждым новым выпуском для утверждения по моему докладу выбиравшегося мною материала для печатания. Но она ставила на мой доклад лишь формальный штамп.

* * * * *

По части внешней политики правительство тем временем, не задумываясь, шагало по проторенному пути.

На Западе мы крепили союз с Францией, подтвержденный манифестациями посещения республики в 1896 г. царем и царицею и ответного визита в Петербург в 1897 г. президента Феликса Фора⁸.

На Дальнем Востоке Россия занялась углублением содеянных ошибок. Вырвав из рук Японии ее завоевания в Китае, мы потянулись к оккупировавшимся Япониею во время войны Печилийским портам и в *марте* 1898 г. официально заняли Порт-Артур и Талиенван⁹. Можно ли было настолько недооценивать только что выдержавшую экзамен победоносной войны Японию, рискуя столкновением с ней за тридевять земель от нашего центра? Мало того, мы заняли явно враждебную Японии позицию в Корее, протектората над которою Япония так настойчиво добивалась, и который мы также вырвали из ее рук¹⁰. Печкою, от которой танцевал гр<аф> Муравьев, была простодушно усвоенная им вера в несокрушимость «русского медведя», которого, в сущности, он абсолютно не знал и о самом существовании которого в качестве внушительного аргумента, по-видимому, впервые услышал за границею, представляя его себе со слов иностранцев. Опираясь на этот непроверенный аргумент, гр<аф> Муравьев весело бежал по пути авантюры, навстречу царскому настроению, навеянному льстивыми выступлениями в Сибирском комитете¹¹ на тему о высокой миссии царя на Дальнем Востоке.

События показали, к каким роковым для России последствиям привела наша тихоокеанская экспансия. Нехорошую мы повели активную политику. Но сугубо неправильным был и внутренний курс. Новый царь не осознал момента. От начала реакции мартовских дней 1881 г. нас отделяло уже целое царствование. А в конце его и Александр III был, по-видимому, готов вступить на путь хотя бы некоторых выдвигавшихся эпохою реформ¹². Витте докладывал ему о своевременности проведения, между прочим, ряда мероприятий в области рабочего законодательства и первее всего об установлении страхования рабочих *работодателем*. Александр III, по словам Витте, согласился. Победоносцев, заключение которого являлось обязательным для обеспечения успеха законопроекту политического значения в Комитете министров и в Государственном совете, притворился не понимающим. «Рабочие? Рабочий класс? Я такого класса в России не знаю. И не понимаю, о чем вы, Сергей Юлиевич, говорите. Есть крестьяне. Они составляют свыше 90% населения. И из них те, относительно совершенно немногие, утопающие в массе населения, которые работают на фабриках и заводах, все-таки остаются крестьянами. Вы искусственно хотите создать какое-то новое сословие, какие-то новые социальные отношения, России совершенно чуждые. В этом отношении вы, Сергей Юльевич, опасный социалист». Витте по неопытности, как он впоследствии говорил, возвращаясь к рабочему вопросу перед самым своим уходом с поста министра финансов, на этот раз отступил. «Но, — добавлял он, — государь Александр III упрекнул меня впоследствии за это: “Напрасно вы сдались, я бы вас поддержал”»¹³. Николай II не улавливал изменения обстановки, гигантского роста страны, осложнившихся экономических отношений, разрастающихся классовых и национальных противоречий, не созна-

вал отсталости порядков и форм управления, считал за парадокс ту азбучную истину, что и консерватизм как руководящий принцип для того, чтобы устоять, не должен быть бескомпромиссным, а актуальным и гибким в применении, должен быть приспособляем к живой жизни — жизни именно сегодняшнего дня, так как та жизнь, которая была вчера, сегодня уже не живая, а мертвая. Ему представлялось наиболее легкой, а вместе с тем наиболее достойною задачей управления охранение существовавших порядков и установлений. Всякого новшества он по малодушию боялся, и новаторы были ему ненавистны. Поэтому, держа^{ав} в начале^а 1895 г. ответную речь на приветствие земских deputаций по случаю его вступления на престол, он и огрел земства крылатым словом о «бессмысленных» (в подготовленной речи значилось «беспочвенных») «мечтаниях», которыми охарактеризовал высказанные в приветствии пожелания земств¹⁴. Отсталость от условий современности аппарата управления при отсутствии у руководивших лиц спасительного страха перед бестемпераментным главою государства привели к катастрофе на Ходынке¹⁵. Последняя стала сопоставляться с аналогичным событием во Франции в царствование Людовика XVI. И впервые пророчески заговорили об общности судьбы Николая II и несчастного французского короля. В происшедшей катастрофе, мыслилось, содержался императив предостережения. В интересах самой власти требовалась хотя бы некоторая ее перестройка, необходимый ремонт и замена обветшавших устоев и частей. Отказ от такого ремонта осуждал все здание на разрушение, в облегчение задачи тех нараставших взаимодействий и сил, которые стремились государственное здание вовсе снести и построить на его месте новое. Проявлявшийся властью бескомпромиссный консерватизм был направлен своим острием против самой же власти. В этом отношении он не мог не осуждаться и ее приверженцами. Враждебные же течения, естественно, использовали это противоречие между властью и ее же идейными охранителями в свою пользу. Революционное движение, в предыдущее царствование притаившееся, вышло на свет и из проявлявшегося спорадически стало постоянным и повседневным фактором текущей действительности. Фабрики, заводы, высшие учебные заведения, вообще всякие организованные группировки людей, за исключением пока что лишь воинских казарм и государственных учреждений, глухо волновались, увлекаемые пропагандой социалистических учений. Поскольку власть, бесстрастная и пассивная, уживалась с видимо приобретающим права гражданства, исключаящим ее, именно эту власть, революционным началом, власть была уже обречена — еще тогда, за 20 лет до фактического ее падения, отсрочивавшегося громадную инерцию колоссальной страны.

Как-никак, но до открытого наступления на власть, вскоре выразившегося в организованной системе террористических актов, дело тогда еще не доходило. Забастовочное движение на фабриках и заводах, беспорядки в высших учебных заведениях вспыхивали и утихали. И так как они утихали, то, казалось, все складывается к лучшему в этом лучшем из миров. Где-то вдалеке происходила не вызывавшая в нас почти никакого к себе интереса война Северо-Американских Соединенных Штатов с Испаниею¹⁶.

^а Вписано вместо: «17 января».

* * * * *

Какой был в ту пору состав правительства?

Выдающееся положение занимал пользовавшийся исключительным влиянием и авторитетом умный, высоко образованный крайний консерватор, синодальный обер-прокурор К. П. Победоносцев. Другую яркую фигуру представлял исключительно одаренный, сильный, полный живой инициативы, прирожденный реформатор-прогрессист министр финансов С. Ю. Витте¹⁷. Министром внутренних дел был в первый раз тогда назначенный на этот пост трижды к нему призывавшийся и от него отзывавшийся совершенно посредственный, типичный бюрократ-оппортунист И. Л. Горемыкин¹⁸. Министерство иностранных дел было вверено упомянутому выше графу М. Н. Муравьеву, а Министерство юстиции — его однофамильцу и родственнику Н. В. Муравьеву, выдвинувшемуся процессом 1 марта 1881 г.¹⁹, человеку ^а«талантливому^а», но отменно беспринципному. Министром земледелия и государственных имуществ был А. С. Ермолов, человек большой эрудиции, *солидных знаний* в области сельского хозяйства, *кристаллически* честный, прогрессивно настроенный, но без малейших данных для крупного административного поста. Лишали его этих данных слабость характера и излишние податливость и скромность, настолько ему вредившие, что с ним не считались, держали его в черном теле и ведомство его всегда во всем урезывали. Стоит ли называть морского министра? Должности этой как бы не существовало в то захватывавшее и данный период долгое время, в течение которого полномочным и безответственным хозяином морского ведомства был поставленный выше морского министра генерал-адмирал — в свое время вел<икий> кн<язь> Константин Николаевич, а потом вел<икий> кн<язь> Алексей Александрович. По спискам в ту пору, о которой идет речь, значился морским министром пользовавшийся в обществе репутацией вообще почтенного человека вице-адмирал П. П. Тыртов. По особенности своего положения он, как и его предшественники, никакой роли в правительстве не играл. Военным министром был только что назначен, взамен ушедшего в Государственный совет генерал-адъютанта Ванновского, генерал А. Н. Куропаткин. Умный, *честный*, основательный и образованный, знаток военного дела, он, на свое несчастье, явился объектом преувеличенных надежд в качестве бывшего начальника штаба популярного боевого генерала М. Д. Скобелева. По этой причине он был неосновательно заподозрен в талантах полководца. В действительности он этими талантами *ни в малейшей степени* не обладал. Другим новым лицом в правительстве был недавно в то время назначенный на пост министра народного просвещения с должности попечителя Московского учебного округа Н. П. Боголепов, сухой, непопулярный профессор Московского университета, которого был когда-то и ректором. Рекомендован был царю московским генерал-губернатором, великим князем Сергеем Александровичем. Говорили, был обязан карьерою высоким связям жены, урожденной светлейшей княжны Ливен. Направления был реакционного. Много данных, чтобы представить колоритную в правительстве фигуру, имел министр путей сообщения князь Хилков. В прошлом гвардейский офицер. Запутавшись

^{а-а} Вписано вместо: «яркого таланта, несомненно государственной складки, умному, ловкому».

в долгах, отправился в Америку. Там *имел редкое мужество и терпение*, начав с кочевара, ^адошел^а до инженера путей сообщения. Гвардейский офицер, долгие годы рабочий, инженер. Казалось, яркая индивидуальность. А в правительстве совершенно бледная, безличная посредственность. Хороший техник путейского дела, он недурно правил путейским ведомством. Вот и все. Всю свою инициативу он, по-видимому, целиком и без остатка израсходовал в Америке на разрешение личного своего вопроса: как из прожигателя жизни сделаться человеком. Он и сделался человеком, но не государственным деятелем. Политической физиономии не имел никакой. По списку министром следует государственный контролер Т. И. Филиппов. О нем много говорено выше, но мало об его участии в правительстве. В нем он проявлял себя в качестве народника, церковника, приверженца самодержавия, славянофила.

Это были министры, так или иначе делавшие политику. Но были и такие, которые непосредственно ее не делали, отчасти по внеполитической компетенции, отчасти по личным свойствам. Но влияние на общее направление дел по близости своей к царю в той или иной степени они, разумеется, могли иметь, и некоторые имели. К числу этого особого рода министров в первую очередь принадлежал председатель Комитета министров, — не премьер, ибо объединенного кабинета в ту пору не существовало, а председатель образованного из министров законовещательного органа, сосуществовавшего с Государственным советом, для рассмотрения простейших, наиболее срочных, так называемых текущих законодательных дел. Председателем Комитета в то время был бывший министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново (не смешивать с Петром Николаевичем Дурново, более поздним министром внутренних дел в первом объединенном кабинете — Совете министров, образованном в 1905 году С. Ю. Витте под его председательством в качестве премьера). Почтенный был Иван Николаевич человек и очень сановный, большого роста, хорошей фигуры, солидного возраста, приятный в обращении. Добавить к этому нечего. Разве только, что его выдвинула благоволившая к нему вдовствовавшая императрица Мария Федоровна, близко знавшая Ивана Николаевича по ведомству женских институтов²⁰. Далее следовал министр двора и уделов граф (в то время еще барон) В. Б. Фредерикс, ^вчестный, прямой,^б близкий к царю, но никогда этою близостью не злоупотреблявший, старавшийся ни во что непосредственно его не касавшееся не вмешиваться. Затем шли: главноуправляющий ведомством учреждений императрицы Марии (женские институты) генерал граф Н. А. Протасов-Бахметев, ^сособа совершенно^с безличная, — высокий, скелетической наружности человек с застывшим лицом египетской мумии; главноуправляющий «собственною его величества канцеляриею» (инспекторскою, по назначениям, производствам в чины и по наградам) А. С. Танеев, консерватор, маленький, толстенький, ядовитый старичок, педант, музыкант-композитор, отец весьма исторической дамы А. А. Вырубовой; главноуправляющий Канцеляриею по принятию прошений (приносимых на имя царя) Д. С. Сипягин, весьма к царю приближенный, реакционер-царедворец, *барин-аристократ*, упрямый, властный, но прежде всего *крайне* ограниченный

^{а-а} Вписано вместо: «дойти».

^{б-б} Вписано вместо: «в высокой степени честный, порядочный человек, чрезвычайно».

^{с-с} Вписано вместо: «фигура столь же высоко аристократическая, сколько».

человек; наконец, государственный секретарь (секретарь Государственного совета) В. К. Плеве — человек *яркого*, сильного темперамента, *большого опыта и веса*, приверженец реакционного курса.

Какие политические группировки образовывали перечисленные лица? Формально все они были консерваторами. Иначе не были бы призваны к власти. Но с оттенками, которые, однако, давали всего лишь две друг от друга отграниченные группы: 1) умеренных консерваторов, признававших эволюцию консерватизма в приспособлении к современности, и 2) крайних консерваторов, принципиально не допускавших компромиссов. К первой группе принадлежали С. Ю. Витте и А. С. Ермолов. И, пожалуй, идейно примыкали А. Н. Куропаткин, князь М. И. Хилков, барон В. Б. Фредерикс, в значительной мере бессознательно примыкал — гр. М. Н. Муравьев. Во вторую группу входило большинство: К. П. Победоносцев, Д. С. Сипягин, Н. П. Боголепов, В. К. Плеве, Т. И. Филиппов, И. Л. Горемыкин, Н. В. Муравьев, А. С. Танеев, И. Н. Дурново, граф Протасов-Бахметев.

Таким образом, большинство в правительстве составляли крайние консервативные элементы. Прогрессивный элемент сводился, в конце концов, к одной яркой индивидуальности С. Ю. Витте. А. С. Ермолов, как упоминалось, никакого веса в правительстве не имел. А. Н. Куропаткин был, как он сам любил себя называть, прежде всего солдатом, а барон В. Б. Фредерикс при его системе невмешательства мог считаться, на лучший конец, лишь сочувствующим умеренным прогрессивным течениям.

Такое правительство в его целом менее всего удовлетворяло условиям момента. Проводившийся политический курс находился, как уже упомянуто, в непримиримом противоречии с общественными настроениями.

Активным прогрессивным министром был, как указывалось, один С. Ю. Витте. И он дал России того времени ряд полезных реформ. Как, однако, ему удавалось осуществлять намечаемые им мероприятия при наличии столь крайне консервативного большинства в правительстве? На это отвечает поговорка: нет худа без добра. Не было объединенного правительства. Этот несомненный дефект в построении аппарата власти послужил в данном случае на пользу стране, дав ей использовать в возможно полной мере инициативу талантливого министра. При объединенном правительстве такой его состав, который оказывался в ту пору у власти, инициативу Витте, несомненно, парализовал бы — просто организованностью коллективного противодействия, тогда как разрозненным усилиям противников министра финансов опрокидывать его начинания не удавалось. Это им удалось только тогда, когда в равноценных с Витте положениях в рядах активных министров, делавших политику *ex officio*^a, оказались люди, равноценные ему и по силе темперамента, и по значительности удельного их веса в правительстве. Таким равноценным по положению и по значению лицом пока что был один только К. П. Победоносцев. Т. И. Филиппов соответствующим темпераментом не обладал и считал целесообразным поддержание с Витте кордиальных отношений, Н. В. Муравьев, как оппортунист *par excellence*^b, — тоже, а В. К. Плеве не мог выступить активным противником Витте по своему совершенно с ним неравно-

^a По должности (лат.).

^b По преимуществу (фр.).

ценному в ту пору положению, будучи не министром, а государственным секретарем. Об остальных министрах говорить не приходится. К. П. Победоносцев кое в чем осаживал Витте. И Витте отступал. Но до открытой борьбы влияний с Победоносцевым дела не доводил. В свою очередь, и последний кое в чем уступал Витте, отдавая, как умный человек, справедливую дань уму и таланту даровитого министра финансов. Достигнуто было и поддерживалось устойчивое равновесие влияний²¹. Оно было нарушено впоследствии с появлением у власти В. К. Плеве в должности министра внутренних дел. С этого момента положение Витте стало колебаться, и начавшаяся борьба влияний привела к первому падению Витте.

* * * * *

Когда говорилось о прогрессивности Витте, то последняя либеральную общественностью обычно оспаривалась ссылкой на предпринятую Витте в свое время кампанию против земств, выразившуюся в составлении по его поручению записки, содержавшей резкую их критику²². В ту пору земства были популярны *quand même*^a, поскольку непопулярно было правительство и его органы, которым земства противопоставлялись. Этого было достаточно, каковы бы ни были земства сами по себе, чтобы, ругая правительство, земства во что бы то ни стало превозносить. Поэтому всякое выступление против земств уже заранее презумптивно осуждалось как заведомое мракобесие. Нечего говорить о том, насколько непозволительно пристрастно было такое отношение к земствам со стороны даже той общественности, которая выделяла из себя земства. Пусть плохо было правительство, но если плохи были и земства, то об этом следовало не только писать, но и кричать наивозможно громко ради самих земств. А что греха таить, земства, фактически находившиеся в большинстве губерний преимущественно в руках отживавшего помещичьего дворянства, притом наименее стойких его элементов, были, за редкими исключениями, весьма плохи. Это окончательно доказал провал после Февральской революции руководящей общественности дореволюционной России²³. Но это бросалось в глаза всякому сколько-нибудь беспристрастному наблюдателю русской жизни и задолго до революции, и ранее появления записки Витте. В самом деле, каковы были в огромном их большинстве руководящие земские люди и каковы земские дела в описываемую эпоху конца минувшего века? Сначала о людях. Руководящую в земствах роль играло помещичье дворянство. Какие элементы оно выделяло в земства? Уже такая была традиция той удивительной страны, которая называлась Россией, что помещичьи дети готовились родителями не к работе на земле, которая кормила дворянство, не к общественной деятельности на местах, а непременно к государственной службе. Окончил юноша гимназию или кадетский корпус, прошел университет или военное училище, и вот он чиновник или офицер и ушел и от земли, и от земства. И это была лучшая молодежь помещичьего класса. Не одолел другой молодой человек латинских исключений и греческих предлогов, либо квадратного уравнения и подобия треугольников, сорвался с традиционного пути, не нашел себе иного применения, ибо либо он малодушный и слабый, либо вовсе

^a Несмотря ни на что (фр.).

дефективный, и начинается мука с его «устройством». Год, другой живет просто недорослем. На сельское хозяйство все-таки не натаскивается. При первой возможности поступает в полк вольноопределяющимся. Посылается в какое-нибудь второразрядное юнкерское училище и возвращается оттуда по прошествии некоторого времени с угольным галуном на рукаве шинели. Портушей-юнкер или что-то в этом роде. Он почти офицер, но прежде всего лодырь, ломающийся перед уездными барышнями. На этом кончается его военная карьера. Иногда на короткое время пробивается в младшие офицеры гарнизонного батальона. И снова на шею родителей. Вздыхает, мучается папаша. «Поддержимте такого-то, господа, — заявляет в кругу земских гласных какой-нибудь сердобольный сосед-помещик, — проведемте его сынка в управу». Сказано — сделано. Конкурентов нет. Преуспевший юноша сидит помощником столоначальника в казенной палате, в департаменте в Петербурге, или он, глядишь, гвардейский подпоручик или корнет и тянется к военной академии. Он в управу не пойдет. И худший отпрыск помещичьего класса, неудачник, лодырь проникает в земство. Через год-другой мы уже видим его на кресле председателя управы уездной, а погода — губернской. Не одолев школы, не обладая никакими хозяйственными навыками, он, понятно, совершенно не оказывается на месте в роли заведующего обширным земским хозяйством. Больницы, школы, дороги, агрономическая помощь населению? Что ему до них и им до него? Заметьте, он и собственным хозяйством либо вовсе никогда не занимался, либо если занимался, то его расстроил или промотал. Земское хозяйство само по себе, а он сам по себе. А если попадется молодец, нечистый на руку, то он такую политику поведет, что, бывало, переплюнет первоклассного казенного растратчика и взяточника. Тут дело семейное. Папашины друзья пожалеют и покроют. Случится и так, что в земство попадет не никудышник и лодырь, а лишь не выдержавший дороговизны военной службы в гвардейском полку, в свое время закончивший военное образование и на службе преуспевавший во всех отношениях хороший офицер, интеллигентный, умный, порядочный. Но его участь горькая. Его готовили только и только к военной службе. И в помыслах не было, что, раз придется когда-нибудь хозяйничать на земле, то для этого надобно хоть сколько-нибудь знать и понимать хозяйство. Ничему по этой части его не обучали. И вот, с места, ставив с коня эскадронного командира, жизнь сажает его на землю и заставляет работать на земле. Но он ничего о земле не знает, и пока научится, сколько причинит своему хозяйству ущербов и вреда? Можно ли говорить о возможности для него с пользой служить земскому делу? А насколько такой офицер был выше и лучше преобладавших в земствах никудышников и лодырей. Так вот, они, за незначительными исключениями, — земские люди — будущие члены цензовой Государственной думы и Государственного совета по выборам — руководящая дореволюционная русская общественность! А земские дела? Приходилось ли вам разъезжать по дорогам и весям необъятной старой России прежних довоенных границ? Мне лично довелось изъездить в этих границах порядочные концы и в разных местностях широкого русского простора. Были губернии земские и неземские, казенного хозяйственного управления. Если вас трясло на ухабах, сваливало с повозкою с косогора, в страхе и трепете подбрасывало на упруго и весело танцевавшем настиле свайного моста или в объезд развалившегося моста проносило глубоким бродом, и вы, чудом уцелев, безнадежно застревали в невылазной трясине дорожной гря-

зи, вы смело, не справляясь, где едете, могли утверждать, что попали в земскую губернию. В неземской ваш путь был лишен красочных переживаний. Ехали вы и доезжали без закаливавших и обогащавших опыт приключений. В неземских губерниях и школы, и больницы были на приличной высоте. Сеть их была относительно густая и частая. В земских? В земских относительный порядок был в четырех восточных губерниях. Витте это казалось мало. Находил, что земское хозяйство должно быть в порядке везде. Упрекал за недостаток хозяйственной инициативы, за плохое хозяйство. И еще находил, что земские бюджеты свидетельствуют о несоответствии ничтожным результатам земского строительства и хозяйства затрачивавшихся земствами средств. Казна хозяйничала продуктивнее и *несоизмеримо* дешевле. Было это так. И отрицать земские неурядицы не приходится. Прав или неправ был Витте? И следовало ли ему закрывать глаза на земские пороки? Он поднял голос отнюдь не против института, а против неурядицы. Записку о земствах ему составлял в земских делах и в постановке земского дела компетентный, работавший в этой области профессор б<ывшего> Демидовского юридического лицея в Ярославле М. А. Липинский.

* * * * *

Каковы были в описываемую эпоху последних годов конца XIX века политические настроения того общественного слоя, который являлся так называемым правящим классом дореволюционной России?

Самые разнообразные. Начиная от абсолютного индифферентизма и от крайне правых до реформистски левых, в зависимости от разных социальных и профессиональных группировок, на которые разбился этот слой, при отсутствии единого руководящего классового сознания. Ибо не было уже в ту пору сословного правящего класса как организованного целого. Хозяином положения становился торгово-промышленный и финансовый капитал.

Некогда был в России правящим дворянский класс. Но в описываемые годы дворянство как сословная организация перестало существовать. Процесс дворянского оскудения в эти годы уже завершился — подозревавшаяся, но в момент ее наступления оставшаяся незамеченной современниками смертью сословия. Производившиеся попытки его оживить были потому именно безрезультатны, что производились не над умирающим, а над трупом. Остались люди, имевшие свидетельство о приписке к дворянскому сословию, и окраинное прибалтийское дворянство, но российского дворянского сословия не было. Остались дооскудевавшие помещики заложенных и перезаложенных имений, из дворян обратившиеся в приказчиков земельных банков. Удержавшие состояние аристократические верхи, весьма немногочисленные, в значительной части представленные балтийскими немцами, сгруппировались вокруг трона. Образовали касту царедворцев, использовавших близость к верховной власти в обслуживании и ограждение личных своих интересов. Наросла оторвавшаяся от дворянского землевладения сильная бюрократия. Выдающееся положение занимали в ней многочисленные выходцы из других сословий. Сословных перегородок на гражданской службе не существовало, поскольку бюрократии было жизненно необходимо привлечение талантов. Однородно-целостным было гвардейское офицерство, пополнявшееся

исключительно лицами дворянского происхождения. В армии офицеры из дворян не преобладали. Оторвавшиеся и полоторвавшиеся от дворянского землевладения помещики достойно украшали собою академии и профессиу высших учебных заведений. Были среди них выдающиеся ученые, писатели, художники, артисты, врачи, инженеры и др. Дворяне, доживавшие на земле в качестве, как упомянуто, приказчиков земельных банков, представляли собою наиболее инертный, наименее стойкий и жизнеспособный элемент, оставшийся от прежнего сословия. Заполняя местные земские и городские учреждения, они представляли собою российскую «общественность». Российское купечество выдвинуло в городах новое просвещенное, европеизированное поколение. Но просвещенность его была чисто внешнею. В основе его деятельности в описываемую эпоху все же лежала унаследованная от отцов и дедов свойственная вообще торгово-промышленной экспансии жажда стяжания. Просвещенности не хватало умерять эту жажду. Перед наступлением революции это модернизированное поколение русских купцов уже не подчиняло себе приобретаемый гипертрофическое развитие капитал, которым владело, а под влиянием осложнившейся экономической обстановки и нездоровых авантюристских финансовых воздействий само оказалось во власти капитала, утратив инициативу и уносясь по течению.

В основе всего лежали эгоизм и зависть. Круги, обязанные своим благосостоянием старому строю, поддерживали его. Люди подальновиднее задумывались над тем, насколько их обеспечивает данный строй на будущее время. Однако в то время, о котором идет речь, были лишь предвестники потрясений, и они не были убедительны для большинства в качестве угрозы строю, аргументированному веками. Поэтому из людей, которых этот строй кормил, большая часть не только стояла за него, но, отгородившись от вопроса о реформах, поставленного в конце царствования Александра II, всем царствованием Александра III и началом царствования Николая II, считала нежелательными и вредными какие бы то ни было изменения в формах и порядках управления. К числу людей, обязанных своим благосостоянием именно данному строю, принадлежали образовавшие касту царедворцев аристократические верхи и верхи бюрократии и офицерства. Большинство лиц этих состояний были настроены политически консервативно. Также были настроены, в силу преимущественно кастовой сплоченности, далеко не во всех случаях сытые при прежнем строе офицерские низы. Немногие более дальновидные люди, стоя принципиально за данный строй, признавали необходимыми в целях его сохранения подсказывавшиеся ростом страны и изменившиеся обстановкою реформы. Многие, усыпленные видимостью спокойствия, проявляли абсолютный политический индифферентизм.

Оппозиционно были настроены профессора, писатели, художники, артисты, врачи, инженеры. К этому их обязывала принадлежность к определенным профессиональным группировкам, оппозиционным *par excellence*.

Земская и городская общественность? На то она и была общественностью, чтобы быть непременно оппозиционною. Валить режим эта общественность не хотела. Крайности ее пугали. Но реформы подавай. И такие, которые диктовались завистью общественников к бюрократическим верхам. Хотим занять ваши кресла! Старое, но куда как жизненное: *ôte-toi pour que je m'y mette*^a.

^a Уйди прочь, чтобы я занял твое место (фр.).

Модернизированные промышленники также были настроены оппозиционно. Этого требовала европейская просвещенность. И также завистливо смущали курульные кресла. Хотели участвовать в законодательстве и в управлении. Но направленных к улучшению рабочего быта законодательных мер не желали, ограничиваясь мелкими подачками рабочим в порядке хозяйской милости.

Между тем рабочий вопрос стал перед властью крайне остро и настойчиво требовал разрешения. Рабочие пропагандировались и волновались. Учащаяся молодежь тоже. Крестьянин хотел земли. В некоторых местностях сказывался подлинный земельный голод. И надо было во что бы то ни стало его утолить. Но ничего в этом отношении не предпринималось. Больными были вопросы окраинных национальностей, еврейский вопрос и др.

Недовольною из-за относительно скудного заработка, а потому оппозиционно была масса мелких служащих государственных установлений, для которой низкий образовательный ценз преграждал доступ к лучше оплачивавшимся старшим должностям. Численно эта масса была значительна. И к ней примыкали находившиеся приблизительно в одинаковых условиях мелкие служащие земских, городских и других общественных организаций, частных установлений и предприятий.

* * * * *

Возвращаясь к событиям 1898 г., отмечу, что правительство деятельно занялось дальневосточною экспансиею в связи с занятием Порт-Артура и Талиенвана и состоявшимся соглашением с Китаем о проведении нами через Маньчжурию железной дороги, имевшей связать эти пункты с нашею Сибирскою магистралю (Восточной Китайской жел<езной> дор<оги>)²⁴. Мы занялись и Корею, стремясь, как это пытались объяснить, обеспечить ее независимость от посягательств Японии. Для охраны корейского императора мы даже «дружественно» ввели в Корею наши войска. Но неблагодарный корейский император остался этим недоволен. Согласно выраженному им желанию мы вывели войска из Сеула²⁵. Помню, как в Петербурге в обществе чрезвычайно по этому поводу возмущались: и черной неблагодарностью корейского императора, и коварными происками японцев, и чрезмерной нашей деликатностью и уступчивостью.